

Сов. кул. жизнь. — 1990. — № 1. — С. 32.

Когда поет Тальков...

Сегодня его имя известно миллионам зрителей и слушателей. Талантливый поэт, композитор, певец. И еще — художник из числа тех, кто, «не отклонив от себя ни единого удара», продолжал и продолжает будить сердца и умы своих соотечественников. О судьбе Игоря Талькова рассказывает очерк в рубрике «Портрет».

советская культура

ПОРТРЕТ

Пока поет Тальков...

Ш ЕЛ очередной выпуск передачи «До и после полуночи». Неожиданно на экране возник незнакомый певец — за его спиной рушились церкви, горела земля, а он задумчиво и скорбно ронял слова, которые в тот момент еще казались немислимыми в официальном эфире:

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силюсь понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам!
Россия!

Это был эффект «разорвавшейся бомбы». Многим тогда показалось, что прозвучали неопубликованные строфы ахматовского «Реквиема», тем более, что следом шел сюжет об Анне Ахматовой. Но нет, тут чувствовалось мужское письмо. Автором стихов и музыки, а также исполнителем песни «Россия» оказался Игорь Тальков. Ему немногим более тридцати. Но выглядит он гораздо старше. Усталое, изрезанное глубокими морщинами лицо. Право на собственный голос дается у нас, как известно, нелегко.

— Вы знаете, я был юнким, романтичным ребенком, примерным пионером и комсомольцем, — говорит Игорь. — Прямо как в песне «Примерный мальчик», которую часто поет Валерий Леонтьев. Собственно, я себя в ней и описал. И когда в десятом классе писал сочинение по «Малой земле», то решил посоветоваться с мамой. Отца дома не было, и мама не выдержала: взяла и выслала мне все, что думает о Брежнев. Я страшно обиделся и заявил, что уйду из дома, если услышу еще когда-нибудь что-нибудь подобное.

Его старательно пытались оградить от жизни. Мальчик не должен был знать всего того, что выпало на долю семьи. Так решил отец. Для этой семьи сталинский режим не был абстракцией. Мать Талькова, Ольга Юльевна, из поволжских немцев. Почему и очутилась в восемнадцатилетнем возрасте в Сибири. Ее первый муж, сибиряк, оказался «сыном кулака», «врагом народа» и застрелился, дабы не сдаваться ОГПУ. Она же пошла по этому. Десять лет, как водится. Отец, Владимир Максимович, — коренной москвич, потомок русского офицера, по образованию педагог. Работал в подмосковной колонии для беспризорных, был убежденным коммунистом. Не мог принять жестокость, «казенные» методы работы с детьми, и вот, соответственно, все та же 58-я статья. И опять-таки «десятка». Не успев освободиться, без прописки приехал в Москву и тут же получил еще два года.

Там, в Сибири, в местечке Орлово-Розово они и познакомились, и там, в лагере, родился старший брат Игоря — Владимир. В семейном архиве Тальковых хранятся «зонные» снимки: самодельный театр. Сейчас мы узнаем все новые примеры несломленности человеческого духа. Кто скажет, сколько их было, мудрых безумцев, тративших остатки сил на чудо перевоплощения, забывавших на мгновения игры об издевательствах конвоя и уголовников, о скотской похлебке и физических страданиях? Родители Игоря — из их числа. Они и познакомились-то в лагерном театре, который организовал Алексей Григорьевич Алексеев, знаменитый до революции конферансье, умница, эстет, владевший многими иностранными языками, и, соответственно, отбывавший свой срок.

Тяга к театральным подмосткам у Талькова-старшего была с юности. Он даже учился, правда, недолго, на курсах вместе с Жаровым и Ильинским и

потому мечтал о сценической карьере для своих детей. До этого, впрочем, было еще бесконечно далеко.

Город Шекино Тульской области, завод железобетонных изделий, бараки, гнетущая бедность. Игорь до сих пор помнит неповторимый, волшебный московский запах: родственники, к которым его привозили на праздники, жили в самом центре, на Смоленке... Ольга Юльевна работала машинистом компрессоров, Владимир Максимович — бетонщиком, формовал плиты. Формовал их еще в семьдесят один год, и так и умер, не отдохнув и не успев понастоящему насладиться отдельной квартирой в пятиэтажке. Горькая и, увы, типичная судьба.

Игорь довольно рано понял, что то, чему учили в школе, и то, что происходит на самом деле, — как говорится, две большие разницы. В песенке о примерном мальчике метаморфоза с героем происходит легко и безболезненно. В жизни же все складывалось куда как сложнее и драматичнее.

— Я всегда был очень жизнерадостным, этим там, тогда, меня приглашали во все компании, чтобы развеселить народ. А тут, когда стал всерьез задумываться над системой, когда добрался до корней и рухнул все мой идеал, со мной что-то случилось. Я буквально заболел и очень долго пребывал в депрессии. Стал замкнутым, неразговорчивым, полюбил одиночество. На меня постоянно давила какая-то чернота. И так хотелось избавиться от этого жуткого ощущения, что стал пить. Много пил, перепробовал все виды наркотиков. А когда понял, что от этого только хуже, — бросил и начал заниматься спортом, чуть ли не всеми видами сразу — лишь бы разрядиться. Мне было девятнадцать лет. В это время я как раз бросил педагогический институт, потому что понял — это не мое, и попал в армию.

В стройбате, где он провел два года, замполит говорил прямо: думаешь, я ничего не понимаю? Понимаю, прекрасно понимаю, но у меня здесь работа, семья, квартира, и я не могу себе позволить во всем «ковыряться», иначе мне надо просто стреляться.

Годы армейской службы стали годами окончательного гражданского прозрения. Вернувшись, Тальков начинает серьезно заниматься историей. Достает редкие материалы и документы. По его словам, все точки над «i» для него окончательно расставил «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына: то, что он раньше мог только подозревать, теперь представляло в своей страшной обнаженности. И сегодня на своих концертах Игорь с полным правом говорит о том, что каждая его песня имеет документальное подтверждение. А вообще-то правильнее было бы сказать, что каждое выступление Талькова и его группы «Спасательный круг» — острый политический диалог со зрителем. Прежде всего — молодым. Диалог, заставляющий думать, анализировать, сопоставлять.

Тальков щедро одарен от природы. Так и не получив настоящего музыкального образования, он много работает сам и становится первоклассным музыкантом. Как бас-гитариста и аранжировщика его нерасхвал приглашают лучшие группы и ансамбли. Кстати, начало его популярности связано с песней Д. Тухманова «Чистые пруды», которую Игорь

Его взлет внешне был стремительным: участие в популярнейших телепрограммах, ревущие залы и стадионы. Но почти никто не догадывается о долгих, очень долгих годах вынужденного безмолвия, об отчаянии, которое уже почти было взяло верх, о решении навсегда отказаться от сцены, на которую ему упорно не давали выйти со своими песнями.

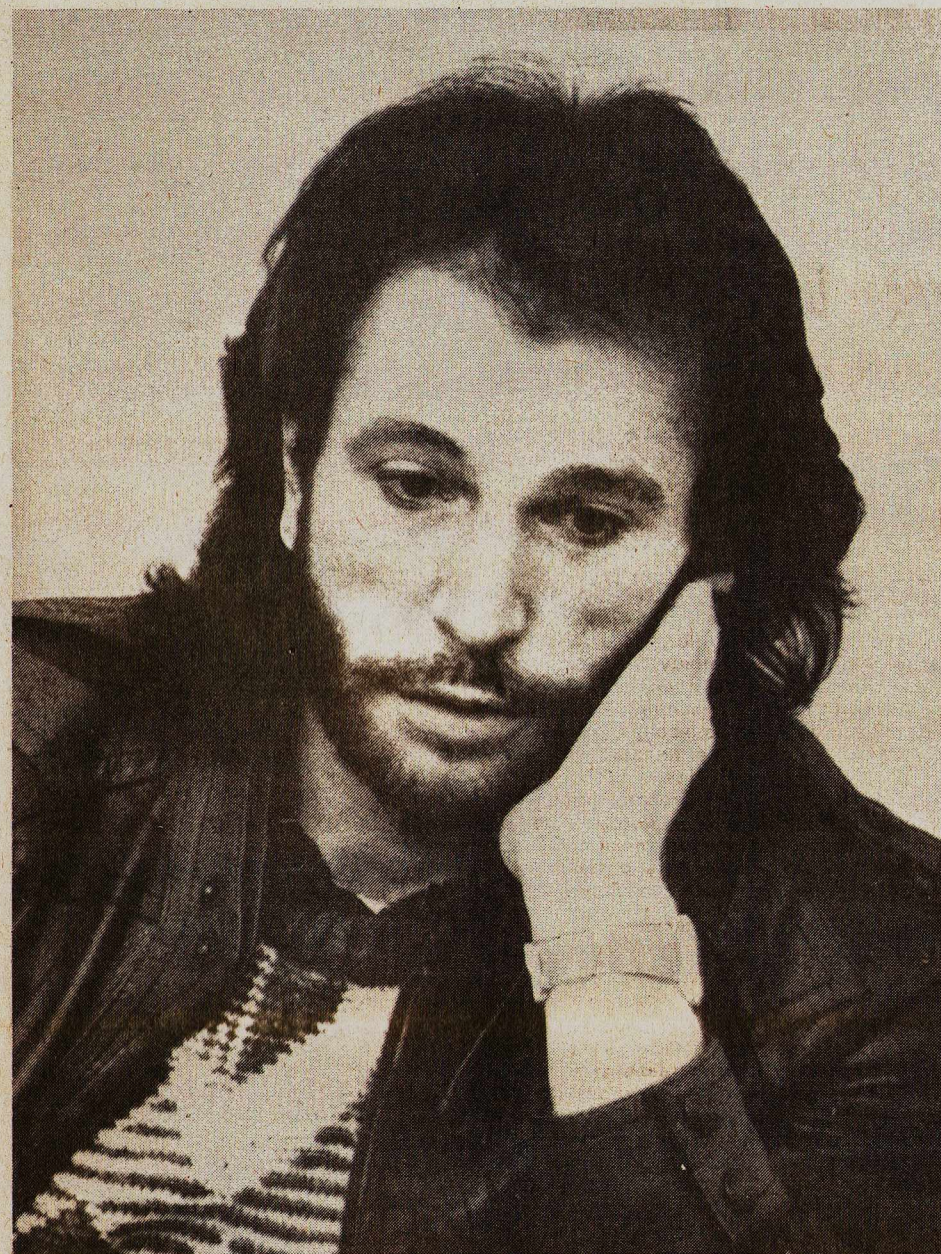
блестяще аранжировал и которая впоследствии надолго стала как бы его визитной карточкой.

Он же — великодушный актер, который «берет» зал в любой момент и в любой ситуации.

Наконец, Тальков — поэт. Его первые социальные песни появляются где-то в 1976—1977 годах, и тогда же навсегда заканчивается его относительно спокойная, скажем так, жизнь. Относительно — потому что, если серьезно, спокойной она никогда и не была. Бесконечные концерты в небольших городах, в кровяные разбитые о струны пальцы, неустойчивый быт, нищенская зарплата — рядовая судьба нашего рядового музыканта. Правда, он довольно быстро завоевал признание в профессиональных кругах, и теперь мог бы ездить за границу, жить вполне безбедно, но... Он понял, что или будет выступать со своими песнями, или не будет выступать вовсе.

Время, однако, тянулось впустую. О том, чтобы официально выступить, Тальков со своим репертуаром, никто и слушать не хотел. Аргумент: нет диплома о музыкальном образовании, не член творческого союза, не лауреат и не дипломат какого-либо конкурса (любительная взаимозаменяемость, не правда ли?).

Приходил он и в «Росконцерт», просил выпускать его в программах бесплатно — оказалось, нет такой графы в

бухгалтерии. Платить? Ну, что вы, помилуйте... Сейчас, между прочим, звонят, предлагают за выступление любые суммы да вот почему-то... Тальков отказывается.

Особые воспоминания связаны у Игоря с конкурсом «Сочи-82». Триумфальное выступление в первом туре, и... он не допускается ко второму. Потом, когда отшумели конкурсные фанфары и в варьете заглянуло на ужин в полном составе компетентное жюри, один маститый композитор, «разогревшись» и подобрав, честно признался Талькову: ты талантлив, плюнь на все и забудь. Здесь места расписаны заранее, и мысли ты хоть, как Сократ, выгляди, как Бельмондо, пой как Карузо, все равно ты бы ничего не получил.

Сейчас Игорь Тальков уже всяческий лауреат. И это справедливо. Обидно другое: тогда он был так же талантлив, отлично профессионально подготовлен. Правда, и столь же принципиален. Не в этом ли загадка? И стоит ли сетовать на то, что у нас так мало появляется новых ярких имен, если система поощряет прежде всего «деловую» смекалку?

Когда в Перовском парке открылся кооператив «Досуг», неожиданно оказалось, что там можно петь свои песни и даже что-то за это получать. Дальше все шло по нарастающей. Зритель признал его быстро, чего, правда, не скажешь об официальных властях — каких

только случаев не было, особенно во время гастролей на периферии. Гласность гласностью, но... Он стал повсюду возить с собой книгу с выступлениями М. С. Горбачева — лучший аргумент для невежественных чиновников. Пожалуйтесь, посмотрите. Как, разве вы не знаете, что об этом уже давно можно говорить вслух?

На вопрос, бывает ли ему все же не по себе от того, что называется своими именами со сцены вещи, которые многие и по сей день не решаются произнести вслух, Игорь отвечает:

— Никогда. Ничего, кроме радости не испытываю. Это все равно, как если бы ты был закован в цепи и к тебе подходил бы до зубов вооруженный человек и плевал в лицо. А потом тебя вдруг расковывают и дают в руки меч...

Хотя, конечно, я понимаю, что доставляю много волнений своей семье — маме, брату, жене. Когда меня пригласили выступить в Комитете государственной безопасности, жена серьезно уговорила не ходить и вообще уехать куда-нибудь. А я, помнится, вышел и сказал, обращаясь к людям, сидящим в зале на Лубянке: сейчас я спою вам песню, за которую меня пугают вами. И спел самую «красивую» свою песню — «Россию». Сначала была мертвая тишина, а потом все пошло нормально.

Жизнь любого состоявшегося артиста, да и вообще творческого человека, немалая, очевидно, без счастливых случайностей. Для Игоря Талькова такой случайностью стала встреча с Вла-

димиром Молчановым, автором и ведущим передачи «До и после полуночи». Игорь рискнул привезти ему свой видеоролик, отснятый в Ленинграде, с той самой «Россией», и... «Россия» стала легальной, а Тальков наконец вышел на телеэкран.

Есть художники, которые не дают нам мириться с несправедливостью. Тальков из их числа. И не случайно его зачастую сравнивают с Владимиром Высоцким — по бескомпромиссности, социальной остроте поэзии.

— Высоцкого я боготворил. Повлиял ли он на меня? Наверное. Хотя я никогда не старался его копировать, разве что в детстве, в пионерлагере, когда сорвал голос на его песнях, почему до сих пор и хриплю. Но, повторяю, я никогда не старался писать «под Высоцкого», выглядеть «под Высоцкого» и никогда не ассоциировал себя с ним. Хотя мне часто говорят о каком-то сходстве. Мне это, бесспорно, льстит, но, если серьезно, то я считаю, что гений рождается один в эпоху и что-то пока не вижу на горизонте никого, кто мог бы сравниться с Высоцким.

Вообще я очень люблю все русское, очень люблю Россию — не потому, что я шовинист, отнюдь, я уважаю любую нацию. Но настоящая русская честь, чистота меня всегда привлекали.

Наверное, я просто больше граждандин, чем творческий человек, скорее политик, нежели композитор или певец. Меня иногда спрашивают: ну хорошо, вот общество, страна выздоровели, недостатков нет, что вы тогда будете делать? Я говорю: тогда я буду петь про любовь. Но только нам проблем еще на пятьсот лет хватит.

И все-таки он прежде всего художник. Когда в Ленинграде после концерта к нему в гримерную по очереди заходили представители всевозможных неформальных организаций и объединений, заявляя: вот программа, вы обязательно должны с ней познакомиться, вы наш, Тальков отвечал однозначно: «Решаю, я никогда ни в какой партии не состоял и состоять не буду. Я пою то, что чувствую. И если завтра ваша партия будет не права, я стану «долбить» ее точно так же...»

Сегодня он, казалось бы, вполне благополучен. Записи на фирме «Мелодия», многочисленные кино- и телесъемки (в них, кстати, неизменно участвует и брат Игоря Владимир, ныне директор ансамбля); свой коллектив — талантливые ребята-единомышленники: Геннадий Берков, Юрий Кузьменков, Альбина Боголюбова.

Сейчас Тальков уже сам вводит в свои программы начинающих музыкантов, справедливо замечая, что, если бы кто-нибудь в свое время согласился бы представить его, то, очевидно, профессиональное становление стоило бы ему гораздо меньше крови и нервов.

Растет сын Игорь, у которого, хочется верить, не будет в жизни отцовских разочарований — во всяком случае не должно быть.

И что на этом фоне зависть кого-то из маститых коллег, беззастенчивая (хотя и безуспешная) предложения некоторых «журналистов», обещающих публицити за солидное вознаграждение, загадочные происшествия с рекламой, которая то и дело не появляется вплоть до самого концерта?

Да, жизнь остается жизнью, с ее суетой, вечным цейтнотом, бесконечными «текущими» проблемами. Но он верит в судьбу. И убежден, что все люди делаются на обладателей светлого начала и темного; на тех, кто излучает добро, и тех, от кого исходит зло. И хотя, как правило, зло сильнее, добро всегда будет ему противостоять. Совесть — проявление высшего разума в человеке, его духовного начала. И он упорно будит ее в каждом из нас.

Марина ДОЛГАНОВА.

Фото А. Чепаккина.